

В.Л. Махлин

**«ПОЧТИ ГЕНИАЛЬНОСТЬ»: Г. ФЛОБЕР
В МЫШЛЕНИИ М.М. БАХТИНА**

Аннотация. Статья представляет собой анализ заметок М.М. Бахтина «О Флобере» (1944) и ориентирована на «большой» и «малый» контекст этих заметок. Более общий фон воспроизводит особенности литературно-критического мышления Бахтина в целом, а его конкретные высказывания о Флобере (или в связи с ним) сближаются с бахтинской теорией гротескного реализма и романа, противостоящими «идеологической культуре нового времени». В начале статьи обсуждаются принципиальные методологические трудности прочтения и анализа литературоведческих текстов Бахтина, как эти трудности отразились в его заметках о Флобере. В отличие от большинства философов, Бахтин всегда работает, по его выражению, «на стыках и пересечениях» различных дисциплин, как философ и литературный критик, как теоретик и историк литературы и культуры. В заметках о Флобере эта особенность выражается с особой резкостью, но в принципе характерна в целом для бахтинского мышления «на границах». В статье комментируется подход Бахтина к реализму Флобера с точки зрения таких моментов художественного видения и мировоззрения французского писателя, которые выходят за пределы «критического реализма» и, по мысли исследователя, относятся не столько к роману XIX в., сколько к «гротескному реализму» до Нового времени и в XX в. Эти элементы: взаимная обратимость «малого» и большого времени в образах современности; противостояние Флобера-художника прямолинейному пониманию «прогресса», характерному для европейского Просвещения и Нового времени в целом; его интерес к «элементарной жизни» человека и животного в мире отчуждения. Эти и другие элементы художественного и идейного мышления Флобера

Бахтин рассматривает изнутри того, что он называет в своих заметках «творящим сознанием» автора.

Ключевые слова: критический реализм; гротескный реализм; роман; идеологическая культура Нового времени; гуманизм; творящее сознание.

Получено: 01.06.2021

Принято к печати: 24.06.2021

Информация об авторе: *Махлин* Виталий Львович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, Нахимовский проспект, д. 51/21, 117418, Москва, Россия. Профессор Московского государственного педагогического университета, Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991, Москва, Россия.

E-mail: vitmahlin@mail.ru

Для цитирования: *Махлин В.Л.* «Почти гениальность»: Г. Флобер в мышлении М.М. Бахтина // Литературоведческий журнал. 2021. № 3(53). С. 131–142. DOI: 10.31249/litzhur/2021.53.09

Vitalii L. Makhlin

“NEXT TO GENIOUS”: G. FLAUBERT IN M.M. BAKHTIN’S THINKING

Abstract. The article analyzes Bakhtin’s 1944 notes on Flaubert. Under discussion is, first, some general background of Bakhtin’s philosophical and scientific methodology as expressed in the notes, secondly, the notes themselves. Bakhtin’s views on Flaubert and the novel of the 19th century are represented in connection with the Russian thinker’s theories of the “grotesque realism” and “novelization” as opposed to the “ideological culture of the new times”. The article discusses some principal methodological difficulties of Bakhtinian approach to literary texts as expressed in his notes on Flaubert. In contrast to most philosophical approaches to literature, Bakhtin always treats any text, in his own expression, “in the liminal spheres” of different disciplines, that is, as both a philosopher and literary critic, a theorist and a historian of literature and culture. In these notes this specificity of the Bakhtinian methodology is expressed drastically, but in principal it is quite typical to his thinking “on the borders”. In the subsequent parts of the article Bakhtin’s approach to Flaubert’s “realism” is commented on, from the point of view of those elements of his artistic vision and his world view, which, according to Bakhtin, are not congruous with the concept of the so-called “critical realism”. These elements, Bakhtin implies, belong not so much to the classical novel of the 19th century, but, rather, to what he calls “grotesque realism” before the new times and in the 20th century. These elements are: mutual reversal of

“short” and “long” (or “great” time in the images of the day, Flaubert’s artistic opposition to the “straightforwardness” of the idea of “progress” typical for the European Enlightenment and the modernity at large., the artist’s interest in the “elemental life” of human beings and animals. These and some other elements characteristic of Flaubert’s art and ideology, Bakhtin treats as if from within “creative consciousness” of the author.

Keywords: critical realism; grotesque realism; novel; ideological culture of the new times; humanism; creative consciousness.

Received: 01.06.2021

Accepted: 24.06.2021

Information about the author: *Vitalii L. Makhlin*, DSc in Philosophy, PhD in Philology, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Nakhimovskii Prospect, 51/21, 117418, Moscow, Russia. Professor, Moscow State Pedagogical University, Malaya Pirogovskaya 1/1, 119991, Moscow, Russia.

E-mail: vitmahlin@mail.ru

For citation: Makhlin, V.L. “‘Next to Genius’: G. Flaubert in M.M. Bakhtin’s Thinking”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 3(53), 2021, pp. 131–142. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2021.53.09

Заметки о Г. Флобере русского философа и ученого Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) [1, т. 5, с. 130–137] нелегко читать, еще труднее комментировать. Дело тут не только в формальных особенностях его многочисленных «лабораторных» записей 1940–1970-х годов. Затруднения очевидны, но их можно не заметить, хотя относятся они к научному творчеству М.М. Бахтина в целом. Поэтому здесь придется начать с общих соображений.

Бахтин внес в современное литературоведение, филологию, лингвистику и историю культуры такой способ мышления, или подход, который, по его выражению (в «Проблеме текста», 1959–1961), приходится называть философским [1, т. 5, с. 306]: исследовательская мысль словно размыкает институциональные и языковые границы той или иной научно-гуманитарной дисциплины, но размыкает не извне (как это часто бывало и бывает при «философском» подходе к литературе и искусству), а изнутри предмета, имманентно тому, что в литературной критике и эстетике называется «художественными особенностями». Такой подход выходит за внешние границы специальных наук, но также и философии. Как это возможно?

Когда философ, вообще «теоретик», обращается к истолкованию художественных произведений, он, как правило, подводит интересующий его материал под свою «идею», что приводило и приводит, по выражению М.М. Бахтина, к «дракам на меже»: притязаниям философов литературоведы обычно противопоставляют «научность» своего подхода; что, впрочем, не мешает ни тем ни другим, по его же слову, «контрабандно» заимствовать друг у друга, относясь при этом свысока, с одной стороны – к «позитивистам», с другой стороны – к «философам». Но в случае М.М. Бахтина дело обстоит не так просто, и в заметках о Флобере это заметно не меньше, чем в его монографиях о Достоевском и Рабле, или в работах о романе. Художественное мышление автора и философское мышление истолкователя, проблематика литературная и методология литературоведения – в исследованиях Бахтина взаимопроникают и комментируют друг друга, никогда не сливаясь, не переходя в эстетизованные образования, претендующие на отвлеченно-теоретическое (если не метафизическое) значение. Это свойство делает его работы одновременно интригующими и отталкивающими в глазах многих специалистов. В заметках о Флобере (как и в других «лабораторных» материалах, в особенности первой половины 1940-х годов¹) это, как сегодня сказали бы, «междисциплинарное» качество мышления Бахтина проявляется в обнаженном, «черновом» виде: определенность мысли здесь, как правило, не развернута, как бы безадресная, но сохраняет какой-то минимум коммуникативной общезначимости. Может быть поэтому, несмотря на «лабораторный» жанр (или даже благодаря ему), заметки «О Флобере» (подобно другим записям первой половины 1940-х годов) местами имеют освещающее значение. Попробуем выделить в них более или менее узнаваемые и развиваемые мотивы.

Как и большинство фрагментов военного времени, заметки, получившие при публикации (2005) заглавие «О Флобере», фактически состоят из разножанровых и разноаспектных высказываний (иногда просто назывных предложений), следующих друг за другом и образующих взаимосвязь как некие вехи авторской мысли

¹ Помимо заметок о Флобере, сюда относятся напечатанные в 5-м томе Собрания сочинений фрагменты: «К философским основам гуманитарных наук», «Риторика в меру своей лживости...», «К вопросам самосознания и самооценки», «Дополнения и изменения к Рабле».

для последующего (не состоявшегося) развертывания. Особенно трудноуловима логика перехода от одной мысли к другой, от «литературного» аспекта к философско-антропологическому и обратно к литературе. Но, может быть, главная специфическая черта этих заметок – *взаимоборачивание «малого» и «большого» времени* в истории литературы и культуры. Оно, как известно, определяет бахтинское понимание исторической поэтики, которое русский мыслитель связывал с такими *неклассическими* понятиями, как «гротеск», «гротескное тело», «двутелое тело», «гротескный реализм» и т.п. В связи с этим читаем: «Историческая типичность Флобера (редкое совмещение п о ч т и гениальности и типичности). Исключительная важность Флобера для понимания судеб реализма, его трансформации и разложения. Такое же значение для истории романа, для проблемы “прозаизма”» [1, т. 5, с. 130]².

Творчество Флобера, по мысли Бахтина, занимает в истории реализма и в истории романа переходное место между гротескной («двутелой») концепцией бытия и времени, мира и человека, с одной стороны, и, с другой стороны, тенденцией литературы Нового времени (в особенности XIX в.), определяемой как «угасание двутелости и двутонности романно-прозаических образов» [там же]. В этом смысле Флобер для Бахтина «почти» гениален и в то же время «типичен».

Вместе с тем «разложение» реализма на протяжении XIX в. не однозначно: из него возникнет реализм другого рода: «Эпоха Теккерея, Диккенса, великого русского романа; адаптация во Франции “Вильгельма Мейстера” и т.п. Формы романа здесь достигают завершенности и одновременно начинается разложение и деградация; все эти моменты мы найдем у Флобера». Но в этом «разложении и деградации» мы «найдем и элементы тех двух линий, на которых роман поднялся до своих вершин: линия Пруста и – в особенности – Джеймса Джойса и линия великого русского романа – Толстого и Достоевского» [1, т. 5, с. 134].

Бахтин, таким образом, не склонен противопоставлять «великому русскому роману» так называемый модернистский роман Пруста и Джойса: обе «линии» романа для него обновляют традицию «гротескного реализма» (наиболее радикально – Достоев-

²Здесь и далее р а з р ы д к а в цитатах принадлежит М.М. Бахтину.

ский), обе не укладываются в традиционное понятие «критического реализма».

Отнесение Флобера к «гротескному реализму» шокирует меньше, чем отнесение «полифонии» Достоевского к той же традиции в книге Бахтина; во всяком случае восторженное отношение молодого Флобера к Рабле – известно. Но сближение французского «реализма» XVI в. с «реализмом» Флобера может показаться тоже достаточно неожиданным. Дело не в термине «реализм» самом по себе, а в том, что Бахтин вкладывает в термин новое или «хорошо забытое» содержание. Поэтому Флобер у него «почти» так же нов и гениален, как Достоевский и другие великие «реалисты» XIX столетия.

К какой бы научно-теоретической проблеме М.М. Бахтин ни обращался, мы всегда находим у него «пересмотр штампов» [1, т. 5, с. 493] той или иной традиции (или, лучше сказать, – инерции традиции, как бы забывшей о своем творческом источнике). Бахтин всегда исходит не столько из «концепции», сколько из «проблемы» или «проблем», которые можно игнорировать, куда труднее *разделить* (в смысле английского глагола *share*); тем более что за каждой проблемой стоит задача освобождения творческого поступка – в жизни, в искусстве, в науке – из плена своей современности [1, т. 6, с. 455]. В программных философских текстах Бахтина начала 1920-х годов, в последующих монографиях о Достоевском и Рабле, в бахтинской теории романа, – везде дело идет о пересмотре «всей идеологической культуры нового времени» [1, т. 2, с. 59; т. 6, с. 91], а в заметках о Флобере (писавшихся в недолгий период относительного ослабления цензуры в последние годы войны) речь идет о пересмотре штампов в отношении термина *критический реализм* [1, т. 5, с. 493].

Этот общепринятый литературоведческий термин, ставший штампом, как обычно у Бахтина, подвергается пересмотру путем обновленной проблематизации и изменения *масштабов* предмета, обозначаемого термином «критический реализм» (или «реализм»). При этом меняется *историзация* предмета, т.е. такая *схема времени*, в которой термин получил свое определенное место в историко-философской (мировоззренческой) картине целого. В результате термин сохраняется, а смысл его меняется – не разрушается, а обогащается. И вместе с этим меняется наше представление о ми-

ровоззрении и методе писателя (насколько мы готовы и желаем его изменить). Где же здесь источник «смены парадигм»?

Характеризуя своеобразие реализма Флобера и его особого места в истории романа, Бахтин, как можно заметить, исходит не из готовых литературоведческих терминов и схем, а из проблемы «творящего сознания». Вопреки анахроническому, но очень живучему представлению (инерции вульгаризованного романтизма), творящее (а не отвлеченно «творческое») сознание не «субъективно», но и не «объектно» в своем источнике; мировоззренческий, оценивающий момент входит внутрь этого сознания не извне и не задним числом, а изначально и притом исторично: «Творящее сознание находилось раньше внутри жизни и мировоззрения, вдали от ее смысловых начал <и> концов, как единственно возможной и оправданной жизни. Поэтому образ этой жизни мог быть не только формально, но и содержательно монументален» [1, т. 5, с. 132]. В противоположность тому, что было «раньше», роман Нового времени радикально меняет восприятие современности и отношение к ней: «Не изменения в пределах данной жизни (прогресс, упадок), а возможность принципиально иной жизни, с иными масштабами и измерениями. Возможность совершенно иного мировоззрения. В свете этой возможности все настоящее общепризнанное мировоззрение (знающее только себя и потому бесконечно самоуверенное, тупо самоуверенное) представляется системою глупостей, ходячих истин» [там же].

В заметках «О Флобере» находим сжатое пояснение этого важнейшего пункта в плане характеристики идеи «прогресса», «развития» и других идеализаций XVIII–XIX вв., которые, по мысли Бахтина, отражал и отчасти ломал Флобер и «критический реализм» его времени. Речь идет, в сущности, об изменившемся в Новое время отношении к историческому прошлому, к «началам» бытия, а значит, и к будущему, т.е. об изменении самого представления о «движении *вперед*»: «Разная оценка движения вперёд: оно мыслится теперь как чистое, бесконечное, беспредельное удаление от начал, как чистый безвозвратный уход, удаление по прямой линии. Таково же было и представление о пространстве – абсолютная прямизна. Теория относительности впервые раскрыла возможность иного мышления пространства,

допустив кривизну, загиб его на себя самого, и, следовательно, возможность возвращения к началу» [1, т. 5, с. 135].

Дело, понятно, не в том, что Флобер в XIX в. имел отношение к теории относительности в XX в. Бахтин, очевидно, хочет сказать, что «творящее сознание» Флобера представляет собой некую «кривизну» времени, «загиб на себя самого» не в теоретическом смысле, а в смысле *работы* творящего сознания, работы воображения писателя: «Жизнь и образ жизни, пошлость и образ пошлости (увековечивание того, что лишено всяких внутренних прав на вечность). Что прибавляет образ к жизни (чего изнутри ее самое в ней нет» [1, т. 5, с. 130].

Перед нами проблематика, отсылающая к раннему трактату М.М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» (1922–1923). В контексте эстетической проблематики Флобера «образ» чего бы то ни было (пошлость, глупость, животность, жалость, жизнь древних цивилизаций и т.п.), по мысли Бахтина, разбивает одномерную и однозначную плоскость *современности*, добавляя к ней такие ценностно-смысловые измерения, которые возвращают нас к тому, что выше было названо «взаимооборачиванием» различных временных пластов и «образов» жизни в горизонте своей или чужой («Саламбо») современности, «малого» и «большого» времени.

М.М. Бахтин не редуцирует «творящее сознание» Флобера к устоявшемуся общему понятию критического реализма как некоторому целому, а скорее, наоборот, дифференцирует и подчеркивает в художественном мышлении французского писателя такие «элементы», которые, действительно, характерны для реализма второй половины XIX в., но, наряду с ними, еще и такие элементы, которые не соответствуют общей концепции, зато отражают именно его, Флобера, интерес к определенным явлениям жизни. Эти выпадающие из так называемой картины мира как бы индивидуальные явления Бахтин парадоксальным образом рассматривает как общемировоззренческие, даже космологические.

С одной стороны, «реализм» XIX в. словно бы отодвинут от переломных моментов жизни личности и общества, от того, что в XX в. старший немецкий современник Бахтина Карл Ясперс назовет «пограничными ситуациями»: «Все страшное в жизни спрятано, в глаза смерти (и следовательно – жизни), не смотря, опутали себя

успокоительными ходячими истинами, событие жизни разыгрывается на самой спокойной внутренней территории, в максимальном отдалении от границ ее, от начал и концов и реальных и смысловых. Специфика буржуазно-мещанского оптимизма (оптимизм не лучшего, а благополучного). Иллюзия прочности не мира (и миропорядка), а своего домашнего быта. Куда девались космический страх и космическая память» [1, т. 5, с. 131].

В такой картине мира – «не мыслимой, но переживаемой», выражаясь языком раннего Бахтина-философа, – Флобер оказывается как бы на касательной к «буржуазно-мещанскому» миру: он ненавидит этот мир как современник и как современник же прикован к нему, остро сознавая при этом отличие своего реализма от «большого» реализма Рабле и Сервантеса³. «И бытие и истина становятся ходячим бытием и ходячей истиной» [1, т. 5, с. 133] после того, как путь критического реализма пройден. Наступает период эпигонства и разложения реализма, но также «начинают сквозить новые возможности» [там же].

С другой стороны, интерес Бахтина к Флоберу сосредоточен на, так сказать, «внесистемных» элементах критического реализма. Остановимся вкратце на некоторых из таких элементов.

Первый такой «внесистемный» элемент у Флобера: «Элементарная жизнь и ее правильное углубленное понимание. Невинность, чистота, простота и святость этой элементарности. <...> Простое сердце. Невинность и беззащитность элементарного бытия, оно создано, оно невинно в своем «есть», безответственно за свое бытие; не оно себя создало и оно не может спасти себя самого (его нужно жалеть и миловать). Оно глубоко доверчиво, оно не подозревает возможности предательства (Муму, виляющая хвостиком)» [1, т. 5, с. 133].

Вторым элементом, выпадающим из концептуального представления о критическом реализме, является «вырождение гуманизма и зазнайство человека. Наивность гуманизма, от которого отталкивался Флобер. <...> Специфическое единство жизни, которую нельзя понять в узко-человеческих рамках ближайшей эпохи его становления» [там же].

³ Флобер писал Луизе Коле (22.11.1852) под впечатлением от чтения «Дон Кихота»: «Господи, каким чувствуешь себя маленьким! Каким маленьким!» Цит. по: [1, т. 5, с. 496].

В самом деле, традиционный гуманизм Нового времени ходом истории привел в XIX и XX вв. к вырождению идеи человека как раз за счет горделивого обособления и возвышения человека над «элементарно» человеческим. Поэтому, по мысли Бахтина, «начала и концы», связывающие человека с человеком, тварный мир с нетварным, изображает не столько классический, или критический, реализм Нового времени, сколько «гротескный реализм»: «Это элементарное единство жизни сохранялось в образах гротеска. Жалость относится именно к животному началу в человеке, ко всяческой “твари” и к человеку, как твари; к духовному, надтварному, свободному началу (там, где человек не совпадает с самим собою, со своим “есть”) относится любовь» [1, т. 5, с. 133]. По Бахтину, «духовное, надтварное, свободное начало» человека и человечности не сверхчеловечно, не «фаустовское», не романтическое, а, напротив, *тварно*; таковы жалость и любовь.

С этим связан другой еще внесистемный элемент реализма Флобера: «Образ животного, стремление проникнуть в специфику его жизни. Создать монумент животного. Своеобразное возрождение обожествления зверей, учения у зверей» [1, т. 5, с. 131] – в пику более современной тенденции, связывающей современность Флобера и современность его толкователя в XX в: «Важна жалость к биологическому минимуму жизни. Человечество обнаглело, совершенно перестало стыдиться убоя, утратило древний стыд перед убоим и кровью животных» [там же].

Человек и человечество как бы вышли из своей меры, выпали из космического миропорядка и тем самым вступили на путь самоотчуждения и самоуничтожения. Здесь, как нередко в записях Бахтина военных лет, философская антропология соприкасается с богословской проблематикой, оставаясь в границах конкретного литературоведческого материала⁴.

Последний аспект заметок М.М. Бахтина о Флобере, на котором мы остановимся, фактически является одной из вариаций знакомого нам по всем ключевым работам Бахтина общемировоззренческого мотива – упомянутой выше радикальной критики «всей идеологической культуры нового времени». Великие писа-

⁴ Сочражения Бахтина о животных интересно сравнить с образом «хвостика животного» у М.М. Пришвина в его размышлениях о В.В. Розанове см.: [3, с. 112].

тели Запада и России, которыми занимался Бахтин и к которым, по-видимому, нужно теперь отнести и Г. Флобера, по мысли исследователя, и отражали, и подрывали своим «творящим сознанием» идеологическую культуру Нового времени. Границы и ограничения мышления и сознания Нового времени (давно описанные и истолкованные в большой философии⁵) сегодня, после Конца Нового времени в прошлом столетии, входят, хотя и с опозданием, в духовно-исторический горизонт позднесоветского и постсоветского поколений. Но бахтинский фрагмент «О Флобере» (1944) воспроизводит критику «идеологической культуры» своей современности с особой откровенностью и ясностью: «Допускается какое-то чудесное крайне резкое ускорение в темпах движения к истине за последние четыре века; расстояние, пройденное за эти четыре века, и степень приближения к истине таковы, что то, что было четыре века назад или четыре тысячелетия назад, представляется одинаково вчерашним и одинаково далеким от истины. <...> Современное мышление приводится к одному знаменателю и чрезвычайно упрощается» [1, т. 5, с. 136].

Кульминацией этого типа мышления оказывается *политическое* мышление: «Политика строит жизнь из мертвой материи, только мертвые, себе равные кирпичи годны для построения политического здания», – пишет Бахтин, ссылаясь на относительно подцензурный исторический пример – изображение Флобером революции 1848 г. [1, т. 5, с. 137].

Но, конечно, «политика» – только крайний случай самоотчуждения человека в его погоне за будущим по ту сторону истории как только «предыстории человечества», по выражению К. Маркса. Текст, который мы пытались посылить прочесть, заканчивается (точнее, обрывается) глобальным обобщением: «Все препятствует тому, чтобы человек мог оглянуться на себя самого» [1, т. 5, с. 137].

По мысли Бахтина, роман Нового времени, в том числе и роман Флобера, остается, среди прочего, условием возможности такой «оглядки».

⁵ Достаточно напомнить исследование немецкого философа и теолога Романо Гвардини «Конец нового времени» (1950) [2].

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1996–2012.
2. *Гвардини Р.* Конец нового времени (1950) // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.
3. *Пришвин М.М.* О В.В. Розанове // Василий Розанов: Pro et Contra : в 2 кн. Кн. 1. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1995. С. 102–131.

References

1. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works] : [in 6 (7) vols]. Moscow, Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 1996–2012.
2. Gvardini, R. “Konets novogo vremeni” [“The End of Modern Period”] (1950). *Voprosy filosofii*, no. 4, 1990, pp. 127–163.
3. Prishvin, M.M. “O Rozanove” [“About V.V. Rozanov”]. *Vasilii Rozanov: Pro et Contra* : in 2 vols. Vol. 1. St Petersburg, Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 1995, pp. 102–131.